

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

*Г.Г. ДИЛИГЕНСКИЙ***"Запад" в российском общественном сознании***

Отношение российского общества к Западу - к базовым ценностям западной (или "атлантической") цивилизации, к общественному устройству стран западной демократии - один из важнейших факторов исторического развития России и динамики современной глобальной ситуации. В России оно неразрывно связано с традиционной для нее проблемой "выбора пути", неоднократно возникавшей в прошлом и вновь резко обострившейся на рубеже XX и XXI веков. В глобальном плане от сближения или расхождения России с западным миром в экономической и социальной, культурной и политической сферах во многом зависит облик мира в наступающем веке.

Разумеется, отношение россиян к Западу складывается под воздействием актуальных потребностей и проблем их собственного общества, явлений и событий международной жизни, зависит от того, какое отражение находят все эти проблемы, явления и события в доступном российским гражданам информационном поле. Но данное отношение не может быть объяснено только как продукт современных социально-политических и информационных процессов. Это *культурный феномен* и как таковой отражает не только актуальный, но и прошлый опыт, в той или иной мере и форме воспроизводит исторически сложившиеся архетипы национального сознания. Можно утверждать, что определенное восприятие "другого", и прежде всего западного, мира образует органический, структурный компонент национального самосознания, идентичности русского народа. Возможно, оно отличается в этом отношении от "самодостаточного" самосознания многих народов Запада и Востока, вырабатывающих собственную идентичность без особой оглядки на "других".

«"Парадигма" противостояния России "Западу" как целому, - отмечает Ю. Левада, - оформилась лишь в XIX веке, после наполеоновских войн и обладает многими характеристиками позднего социального мифа... Образ "Запада" во всех его противостояниях (официально-идеологическом, рафинированно-интеллигентском или простонародном) - это прежде всего некое превратное, перевернутое отображение своего собственного существования (точнее, представления о себе, своем). В чужом, чуждом, запретном или возделенном видят прежде всего или даже исключительно то, чего недостает или что не допущено у себя. Интерес к "Западу" в этих рамках - на-

*Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 00-03-00294).

пуганный или завистливый, все равно - это интерес к себе, отражение собственных тревог или... надежд» [1, с. 180, 181]. Этот, по выражению Левады, "комплекс зеркала" объясняется многими критическими переломами и перипетиями русской истории, на которых мы не будем останавливаться подробно.

Последнее десятилетие ознаменовано резкой вспышкой борьбы национал-патриотического, традиционалистского и либерально-западнического направлений, стремящихся обрести поддержку среди россиян. Однако, сопоставляя сильные и слабые стороны "посланий" обеих сторон, легко убедиться, что они обладают одной общей чертой. Ни в той, ни в другой не находят значительного отражения насущные социально-экономические интересы и потребности основной массы населения. Национал-патриоты активно спекулируют на этих интересах, но в действительности подчиняют их целям реставрации Империи. Их апелляция к социальной справедливости - всего лишь популистский лозунг, не оказывающий существенного влияния на реальную политику соответствующих партий и движений. Западники-либералы склонны относить удовлетворение насущных интересов людей к более или менее отдаленному будущему, рассматривать их как продукт достаточно трудного и длительного процесса либерализации экономики. Возможно, их проект не имеет рациональной альтернативы, но от этого он не становится более привлекательным для людей. В результате ни той, ни другой доктрине не удается подчинить своему влиянию основную часть россиян, превратиться в их собственную идеологию.

Как отмечает К. Холодковский, "если в элитных кругах России, интеллектуальных и политических, конфликт западничества и почвенничества носит последовательный концептуальный характер (по принципу "или-или"), то в широких массовых слоях общества он нередко размыт..." [2, с. 64]. По данным эмпирических исследований, доля россиян, полагающих, что Россия должна ориентироваться полностью или частично на западные ценности, составляла в середине 90-х годов примерно 15%, в том числе примерно треть предпринимателей и студентов, более четверти управляющих и молодежи 16-25 лет [3, с. 82]. Таким образом, "западники", в той или иной степени сознательно считающие себя таковыми, в России, скорее, маргинальная группа: лишь в элитных, ориентирующихся на рыночную экономику слоях и среди молодежи - "детей перестройки" они представляют более значительное меньшинство. Хотя людей, ориентирующихся на "традиционно русские ценности", в три раза больше [3], выбор этого большинства обусловлен, скорее, расплывчатым чувством национального самобытия и не носит идеологического и политического характера.

Точнее уровень влияния национал-патриотической идеологии отражает относительно низкий статус ее важнейшей ценности - патриотизма в российском обществе. Так, в 1998 году лишь 10,5% опрошенных назвали патриотизм наиболее важной для себя ценностью [4, с. 23]. В 1999 году лишь 16% включили патриотизм в число лозунгов той партии или политики, за которые они стали бы голосовать на выборах [5, с. 32, 33].

Этот, на первый взгляд удивительно низкий рейтинг патриотизма свидетельствует не об отсутствии любви к Родине, а, скорее, об ассоциации данного термина с идеями милитаризма и мобилизации во имя реставрации империи, отвергаемыми большинством россиян. В 1998 году 76,3% опрошенных полагали, что для укрепления своего престижа в мире Россия должна добиться экономического подъема, и только 10,6%, что ей необходимо для этого "крепить свою военную мощь". Далеко не бесспорен для большинства и приоритет великодержавного статуса над свободой и правами личности. Тогда же с тезисом "свобода и права человека стоят того, чтобы отказать от статуса великой державы", согласились 26,3%, не согласились 31,5%, а промежуточную позицию заняли 25% опрошенных [4, с. 21].

Характерно, что лозунги законности, мира, прав человека, порядка и безопасности собрали в 2-3 раза больше сторонников, чем патриотизм, а "патриотов" среди людей с высшим образованием оказалось в полтора раза больше, чем в среднем. Для большинства россиян потребности, порождаемые их повседневной жизнью, и сохранение

мира намного важнее любых "общих идей", а наиболее благоприятной "средой приема" (как и для либерально-западнической) идеологии являются не самые массовые, но относительно "элитарные", более идеологизированные слои общества. В целом антагонизм твердых западников и национал-патриотов - это конфликт меньшинств, составляющих в совокупности примерно 30% взрослого населения [6, с. 42].

Западные ценности и массовое сознание

Отношение большинства российского общества к Западу значительно более амбивалентно, складывается и эволюционирует под влиянием ряда нередко противоборствующих друг другу факторов. Среди этих факторов в особую группу можно выделить когнитивный компонент соответствующих диспозиций - те представления о западном образе жизни, которые укоренились в российском массовом сознании. По данным В. Лапкина и В. Пантина, основанным на опросах 1993-1996 годов, в качестве "западных" респонденты чаще всего идентифицировали такие ценности, как предприимчивость (42%), богатство (39%), неприкосновенность частной собственности (37%), свобода выбора убеждений и поведения (33%), прибыльность труда (32%), профессионализм (30%), гарантии политических прав (29%), невмешательство государства в частную жизнь граждан (29%) [7, с. 20]. Характерно, что эти представления, насколько позволяют судить межстрановые сравнительные исследования, часто не совпадают с реальной иерархией ценностей западного человека и отражают, скорее, те неудовлетворенные потребности русских респондентов, которые, как они полагают, намного лучше удовлетворяются на Западе. Так, в сознании американцев "материальные ценности" (богатство, прибыль и т.п.) занимают более скромное место, чем у россиян, а, например, ценность терпимости, весьма важная для американцев, мало популярна у русских и не идентифицируется ими в качестве "западной". Это перевертывание наиболее остро переживаемых собственных "дефицитов" в преимущества и ценности других весьма характерно для образа Запада в русском сознании.

С психологической точки зрения такая ситуация означает, что на когнитивный компонент диспозиции — образ Запада - оказывает влияние его мотивационный компонент. Еще более явно это влияние проявляется в фильтрации западных ценностей - в отборе тех из них, которые воспринимаются как наиболее приемлемые для российских условий. Отвечая на соответствующие вопросы, русские респонденты значительно реже, чем при идентификации западных ценностей, говорят о "деловитости" и о "неприкосновенности частной собственности" (21%), о "богатстве" (13%), о "невмешательстве государства в частную жизнь граждан" (19%) и совсем не упоминают "предпринимательство", чаще других упоминавшееся при перечислении западных ценностей. Зато на первое место здесь выходит "профессионализм" (30%), а за ним следует "свобода выбора убеждений и поведения" (23%) [7, с. 21]. Высокий рейтинг профессионализма объясняется, очевидно, тем, что эта "западная" ценность легче других совмещается и с традиционными русскими (мастерство, умение), и с советскими ценностями, обусловленными высоким престижем и массовым распространением специального образования, большим удельным весом специалистов в социальной структуре советского общества. В то же время именно дефицитом профессионализма в сферах экономики, управления, политики как советские люди, так и нынешние россияне склонны объяснять отсталость своего общества по сравнению с западным. Что же касается свободы, то причины привлекательности этой "западной" ценности для вчерашних советских людей вряд ли нуждаются в объяснении.

Высокий престиж западной модели в современном российском обществе доказывают многие социологические данные. Согласно опросам ВЦИОМ, в конце 1992 года - через год после начала рыночных реформ - в качестве "наиболее разумного пути развития России" 34% опрошенных выбрали тот или иной вариант западной модели (11% - "капиталистическое общество, как в США", 23% - "социал-демократическое общество, как в Швеции"). 14% предпочли "общество социалистического типа, подоб-

ное советскому", 23% - "уникальный, специфический русский путь". В последующие годы убеждение в необходимости интеграции России в остальной, т.е. прежде всего в западный, мир поддерживалось большинством общественного мнения. В 1994 году 71% опрошенных согласились с утверждением "хватит отгораживаться от людей, Россия должна как можно скорее включиться в мировую экономику, политику, культуру" [8, с. 21]. В 1997 году, несмотря на массовое недовольство результатами либеральных реформ, 47,1% опрошенных выбрали в качестве модели будущего развития России "государство с рыночной экономикой, демократическим устройством и соблюдением прав человека, подобное странам Запада" и только 17,7% - "государство с совершенно особым устройством и особым путем развития"; 20,6% высказались за "социалистическое государство с коммунистической идеологией типа СССР" [9, с. 97].

Важно понять, какое конкретное содержание вкладывает в понятие "западного пути" то относительное (от трети до половины) большинство россиян, которое готово выбрать этот путь для России. Совершенно очевидно, что на фоне бедности и отсталости собственного общества их привлекает прежде всего высокий уровень жизни на Западе, его материальная культура, комфорт, сильная эффективная экономика. В 1998 году, отвечая на вопрос, какая страна может послужить примером для России, респонденты, в частности, так определяли критерии своего выбора: "где выше уровень жизни", "где люди живут в достатке", "Канада - сельское хозяйство, Германия - промышленность, Швеция - социальная среда", "любая более развитая страна", "та страна, где лучше живется простым людям" [10, с. 5].

Намного сложнее вопрос о том, как относятся россияне к основным ценностям западного образа жизни. В какой-то мере на него позволяют ответить их мнения по поводу конкретных проблем и направлений преобразований, осуществленных или осуществляющихся в постсоветской России.

Наиболее краткая стереотипная и аксиоматичная формула основополагающих ценностей западного общества для всех тех, кто эти ценности разделяет, заключена в двуедином его определении как общества "свободного и демократического". Для западного человека обе стороны этого определения неразделимы и почти синонимичны. В современном российском обществе они соотносятся иначе: свобода не отождествляется с демократией и ценится значительно выше. По данным Лапкина и Пантина, ценность свободы значима почти для половины (47%) россиян, демократия - только для одной пятой (21%) [7, с. 29]. По данным многих опросов, в качестве важнейших положительных результатов демократических реформ большинство признают свободу слова и печати, около половины - свободу выезда за рубеж и свободу предпринимательства. Значительно ниже оцениваются в российском обществе права на участие в политической жизни и независимую социальную активность граждан, образующие основу демократических порядков. Так, в 1994 году лишь меньшинство (29%) опрошенных считали свободные многопартийные выборы положительным результатом реформ, относительное большинство (33%) полагали, что эта новация принесла больше вреда, чем пользы, а 23% признали полезным и 36% вредным право на забастовку. В 1998 году лишь 23,2% опрошенных признали важным для российского общества создание негосударственных объединений и организаций, 28,8% сочли это неважным и 21,5% не имели мнения по этому вопросу [4, с. 27, 28].

Разрыв между ценностями свободы и демократии коренится в традиционных, архетипических особенностях русского менталитета. Мечта о свободе издавна жила в русском народе, обреченном историей на многовековую зависимость от деспотической власти царя, чиновника, помещика. Но мечтал он не о свободе в западном понимании, предполагающем ее включение в определенный общественный порядок, регулируемый законом, в систему политических и правовых институтов. Свобода по-русски выражалась понятием *воли*, одновременно имеющим в переводе на западно-европейские языки смысл *will, volonte, Wille*, означающим, по словам русского философа Г. Федотова, "возможность жить... по своей воле, не стесняясь никакими

социальными узами... воля всегда для себя" 111, с. 183]. Эта чисто индивидуальная, не ограниченная социальными нормами и законом свобода выражает преимущественно стремление к бегству от общества, а не к установлению альтернативного общественного порядка. Уже поэтому такое понимание свободы слабо ассоциируется логически и психологически с представлением о демократии.

Отсутствие или слабость в русской политической культуре демократической традиции - факт достаточно известный. Уже само по себе это обстоятельство предопределяет громадные трудности освоения демократических ценностей и особенно демократической практики постсоветским российским обществом. Еще больше усугубила эти трудности неспособность постсоветских политических элит (как правящих, так и оппозиционных) осуществить последовательное развитие демократических институтов: оно ограничилось введением выборности органов власти, демократических свобод, легитимацией политического и идеологического плюрализма, но не преодолело традиционно авторитарного характера отношений власти, ее отчуждения от общества. Наиболее очевидными для рядовых граждан последствиями демократизации стало "перетягивание каната" между законодательной и исполнительной, федеральной и региональной властями, возрастающая дисфункциональность государства, беспорядок в обществе, коррупция бюрократических структур.

Все эти негативные явления, разумеется, не могли повысить и без того не особенно высокий престиж демократии, но не привели, как свидетельствуют приведенные выше данные, к тотальной дискредитации западной демократической модели. Скорее, они подвели многих россиян к мысли о том, что "принципы западной демократии несовместимы с российскими традициями" (с этим суждением в ходе опросов соглашались от трети до половины респондентов и Фонда "Общественное мнение", и ВЦИОМ). Но в 1996 году 70% респондентов, отвечая на вопрос, какие страны они считают образцом для развития России, выбрали страны Запада и только 12% - СССР, Кубу, Северную Корею. Образ демократии в ее западном варианте играет для многих россиян роль общественного идеала. "Лучше не придумали, - говорят такие люди, отвечая на вопросы анкет, например ВЦИОМ, о целесообразности развития демократии, - надо быть со всеми".

Содержание этого идеала крайне туманно. Он чаще представляет собой выражение протеста против советского и нынешнего авторитаризма, чем определенную цель. В 1993 году лишь 9%, а в 1996 году 12,7% опрошенных заявили, что имеют ясное представление о демократии, соответственно, 50% и 41,3% выбрали формулировку "мало знаю, что это такое" или затруднились ответить. В 1996 году большинство (56,5%) согласилось с тезисом "главная проблема становления демократии в России - люди сами не знают, что для них было бы лучше".

Неясность российского демократического идеала не означает, что в него вообще не вкладываются достаточно определенные потребности и стремления. Какая-то часть россиян ассоциирует его со свободой, другая - и таких большинство - со всем тем, чего им не хватает в сегодняшней жизни (такова, очевидно, особенность любого общественного идеала). А не хватает им в постсоветской России прежде всего гарантии социальной защищенности их жизненного уровня, профессионального статуса и рабочего места, удовлетворительного пенсионного обеспечения, медицинского обслуживания, воспитания и образования детей. Все эти дефициты переживаются тем болезненнее, что социалистическое государство, разрушенное в начале 90-х годов, давало такие гарантии: в Советском Союзе низкие по сравнению с Западом доходы населения, товарный дефицит и часто плохое качество жизни (в сферах экологии, охраны здоровья, жилищных условий и т.д.) сочетались со стабильностью материального и социального положения людей, широким набором гарантированных социально-экономических прав, бесплатных или дешевых услуг. Утратив эти преимущества государственно-патерналистской системы и не получив взамен в своем подавляющем большинстве компенсирующего их роста частных доходов, россияне

хотели бы восстановить утраченное, и это стремление естественно влияет на содержание их демократического идеала.

Признаком демократии, как явствует из социологических данных, большинство российских граждан считают защиту прав человека, и эта позиция на первый взгляд не отличается от "западных" представлений. Однако сами эти права то же большинство понимает иначе, нежели на Западе: на первом месте для него стоят права материальные, социально-экономические. Так, в 1994 году 64% опрошенных наиболее важными сочли права на образование и социальное обеспечение, 49% - на хорошо оплачиваемую работу, 33% - на гарантированный прожиточный минимум. Демократические права и свободы оказались на последних местах: свобода слова - 18%, вероисповедания - 14%, выезд за границу - 11%, выбор своих представителей в органы власти - 9%, на получение информации - 8% [12]. Для массовых российских представлений о демократии характерно, что вопреки буквальному смыслу этого понятия, относительно незначительное место в них занимают отношения с властью. Так, в опросах середины 90-х годов определение демократии формулой "власти избираются народом" поддержало только 5-7% опрошенных, а формулу "соблюдаются права человека" (возможно, в описанном выше их понимании) - 29% [12]. Как отмечает Левада, "патерналистское сознание воспринимает демократию прежде всего как милостивую заботу правящей элиты о своих подданных... опросы общественного мнения неизменно показывают, что признаками демократии считаются соблюдение порядка и поддержание благополучия" [1, с. 7].

Государственно-патерналистский опыт социальной защиты, несомненно, влияет и на отношение россиян к опыту западному. Во-первых, негативные социальные последствия реформ 90-х годов порождают ностальгию по "реальному социализму, разочарование в западной модели - судя по нашим данным, это явление характерно для некоторых слоев интеллигенции, в советский период наиболее подверженной западническим влияниям" [13, с. 84].

Во-вторых, сама западная модель дифференцируется: наиболее привлекательными оказываются страны с сильной системой социальной защиты. Следуя формулировкам социологических анкет, большинство респондентов предпочитает "социал-демократическое общество" "капиталистическому", западноевропейский опыт американскому, наиболее привлекательным оказывается пример скандинавских стран, особенно Швеции.

Наиболее сильное влияние государственно-патерналистский синдром оказывает на восприятие российского обществом западной экономической системы. Можно утверждать, что принципы рыночной экономики проникают в российское сознание со значительно большим трудом, чем нормы западной политической демократии. Хотя большинство высказывается в пользу рынка и частной собственности. При более конкретной постановке вопроса неизменно выясняется, что лишь меньшинство соглашается с приватизацией крупной промышленности, банков, транспорта, горнодобывающих предприятий, со свободной куплей-продажей земли. Остальные одобряют лишь введение частной собственности на предприятия розничной торговли и рестораны [14, с. 21]. Как отмечают Лапкин и Пантин, для значительной части россиян идеалом является "абсурдное сочетание экономического диктата и политической свободы" [15, с. 81]. "Экономический диктат" государства, очевидно, рассматривается как необходимое условие осуществления им патерналистской социальной политики.

Пожалуй, самым трудным для русской ментальности оказывается освоение западного идеала отношений между личностью и обществом, государством и гражданином. Понятие гражданского общества со времен перестройки усилиями масс-медиа и демократической интеллектуальной элиты стало широко распространяться в России. Однако в настоящее время, как представляется, можно говорить только о зачатках, о самом раннем, начальном этапе становления такого общества. Средний россиянин чаще всего внутренне убежден, что все проблемы страны должны решаться властью, и не склонен объединяться с другими людьми, чтобы участвовать в

какой-либо социальной, коллективной деятельности по решению этих проблем. В этом отношении весьма характерно, что большинство, считающее необходимым развитие демократии, не придает значения ни формированию независимых от государства общественных организаций и объединений, ни становлению самоуправления на муниципальном уровне [4, с. 27, 28]. Иными словами, наименьший интерес привлекают именно те демократические институты, которые открывают наибольшие возможности для непосредственного участия граждан в экономической, политической и иной сфере жизни общества.

Не укореняется пока на русской почве и другой важнейший компонент западного гражданского общества и гражданской культуры - *уважение к закону и признанным в обществе социальным нормам*, признание их необходимым регулятором индивидуальной и коллективной активности граждан. С одной стороны, восстановление законности и порядка в обществе - один из главных приоритетов россиян, уставших от хаоса в обществе, от произвола властей и беззащитности перед криминальными группировками. С другой стороны, исправления положения люди ожидают исключительно от той же власти, которую справедливо обвиняют в беззаконии, и снимают с себя ответственность за соблюдение закона. В 1995 году 40% опрошенных согласились с мнением, что "допустимо обходить закон, не нарушая его напрямую" (не согласились 30,7%). Движение России к правовому государству, провозглашенное в начале реформ, обернулось порочным кругом: власть не хочет или не умеет управлять на основе закона, граждане отвечают ей уклонением от его выполнения. Радикально изменить глубинные психологические диспозиции намного труднее, чем разрушить старые и сформировать новые экономические и политические институты, но без изменения диспозиций действующих лиц - элит и рядовых граждан - новые институты не могут выполнять предназначенные им функции.

Западный пример несомненно сыграл - как это неоднократно случалось и в прошлой российской истории - первостепенную стимулирующую роль в попытках модернизации 80-90-х годов. В результате этих попыток была разрушена социалистическая система и советская империя. Жители России обнаружили, что живут в условиях дикого рынка, хаотического, еще весьма слабо институционализированного общества. Перед ними возникла проблема психологической и практической адаптации к новым условиям, и в зависимости от имеющихся индивидуальных и социальных ресурсов они стали вырабатывать различные стратегии такой адаптации. Реально они могли выбирать лишь между "сильной" модернизаторской стратегией, предполагавшей отказ от государственно-патерналистского синдрома, развитие индивидуальной ответственности и инициативы, и "слабой" стратегией, ориентированной на терпение и основанной психологически на верности традиционным советским представлениям и ценностям. Конфликт между модернизацией и традиционализмом является, как считают многие авторы, решающей основой социально-психологической дифференциации постсоветского общества [2, с. 68; 6, с. 38-41; 16, с. 49]. Именно социально-психологической, поскольку к идеологическим и политическим течениям, выражающим противоположные стратегии, примыкает лишь меньшинство общества. У большинства же различные стратегии проявляются на уровне психологических диспозиций и поведения. Причем на этом уровне противоположные - традиционалистские и новые - индивидуалистические тенденции сплошь и рядом сосуществуют у одних и тех же людей.

На данном этапе психологическое значение западной модели меняется: она становится не только "внешним" стимулом к изменениям (или к отказу от них), но и *символическим выражением* модернизаторской тенденции, как бы "обслуживает" ее необходимыми образами, языком, эталонами культуры. Соответственно, стратегия неприятия модернизации оказывается вынужденной противопоставлять ей "незападные" (или антизападные) символы. Таковы для значительной части общества символы "социалистические". Но для настроений другой, еще более значительной его части они неадекватны, ибо имплицитное ее стремление "вернуться к старому" (т.е. прежде

всего к государственно-патерналистской системе) противоречит нежеланию расставаться с наиболее привлекательными постсоветскими новациями: избытком товаров, демократическими правами и свободами, вообще новой атмосферой свободы и разнообразия.

Ментальность большей части российского общества, не примыкающей к идеологизированным (либеральному и прокоммунистическому) меньшинствам, амбивалентна: она колеблется между ностальгией по старой надежной и стабильной жизни и соблазнами жизни новой, питаемыми ею надеждами. Поэтому наиболее адекватными символами этой амбивалентной ментальности становятся символы национальные: они позволяют одновременно выражать неприятие и западных, и советских образов в их целостности, сохранять определенную свободу отбора и сочетания различных компонентов "старого" и "нового". Конфликт западнических и почвеннических, "самобытных", националистических диспозиций - форма выражения конфликта тенденций модернизаторских и консервативных, причем такая форма, которая позволяет несколько смягчать этот последний конфликт, избегать откровенно антирыночного и антидемократического социалистического консерватизма.

Повышению престижа "национальных" ценностей значительно содействовала эволюция российской политической элиты. После кратковременного периода ускоренных рыночных реформ экономическая и политическая власть в стране фактически сосредоточивается в руках центральной и региональной бюрократии, отличающейся от бюрократии советской своими связями с рынком, заинтересованностью в рыночной прибыли. Бюрократия объединяется с контролируемой ею частью предпринимателей и новых крупных собственников в правящий бизнес-бюрократический слой, заинтересованный прежде всего в укреплении своей власти, в политическом и социально-экономическом *status quo*. Ей не нужны ни реставрация старых порядков, ни продолжение модернизации; единственным идеологическим символом, соответствующим ее интересам, является контролируемое ею Государство. Примат Государства, существующего прежде всего ради самого себя - в интересах чиновников, зависящего от них и обогащающего их бизнес, удобнее всего легитимировать "национальными интересами" и "национальной идеей". Отсюда этатистско-националистический дрейф элит, широкое использование ими соответствующих идеологических символов.

В массовом сознании соотношение между различными символическими комплексами весьма неустойчиво и колеблется в зависимости от экономической и политической конъюнктуры. Например, по данным опроса ВЦИОМ 1997 года, за развитие России как "государства с совершенно особым устройством и особым путем развития" высказались 17,7% опрошенных. Это в 2,6 раза меньше, чем за "государство... подобное странам Запада". А годом позже с формулировкой "Россия должна идти своим особым путем" согласились 57%, а капиталистический (т.е. западный) путь выбрали всего 10% [10, с. 3]. Столь крупные расхождения отчасти, очевидно, объясняются тем, что во втором случае вместо "Запада" социологи использовали более одиозный для россиян термин "капитализм". Однако неустойчивость суждений очевидна. Практически наиболее многочисленная часть населения при выборе между западным и "своим собственным" путем легко переходит с одной позиции на прямо противоположную.

Вместе с тем в период между 1992 и 1999 годами доля противников западного пути и сторонников пути национально-своеобразного постоянно возрастала. В 1996 году, отвечая на вопрос "на какой образ жизни мы должны ориентироваться?", западный образ жизни выбрали 20%, советский - 11% и "традиционный русский" - 47% респондентов [8]. Российские социологи констатируют в эти годы развитие нового русского национализма [17], неотрадиционализма [18]. Эта тенденция, несомненно, питалась фрустрацией национального сознания, вызванной утратой былого имперского величия, но не меньшее значение имели трудности адаптации к новым реалиям и разочарование в "западнических" реформах.

Исследуя неотрадиционалистскую тенденцию, Л.Гудков определяет ее как «нега-

тивную санкцию на вторжение иного», в качестве которого «может рассматриваться и гайдаровская программа реформ, и новые условия существования в развивающейся рыночной экономике, и ситуация большей культурной и информационной открытости российского общества... Механизм нейтрализации новационных импульсов... сводится в своей оценке к позитивной квалификации всего тривиального, инфантильного... и к негативной оценке любой сложности, непривычности, нестабильности. Это может выражаться в подчеркнутой ориентации на мифологические образцы стародавнего или периферийного "простого", устойчивого существования в противовес неопределенному настоящему и тем более будущему, которое требует усилий и напряжения». Западническая ориентация символизирует, по мысли Гудкова, эти сложность и неопределенность и представляется поэтому "как нечто угрожающее, безнадежное, бесперспективное, во всяком случае не содержащее опоры и стимулы для индивидуальных стремлений, не гарантирующее вознаграждения..." [18 с. 32].

Последний момент - отсутствие гарантированного вознаграждения за следование западному образцу - представляется ключевым в описанном психологическом механизме: именно он объясняет в первую очередь усиление антизападнических и традиционалистских настроений. Здесь действует принцип приспособления диспозиций к возможностям, который в современной социологии наиболее глубоко исследовал П. Бурдьё. Согласно его теории, действия людей, направляющие их диспозиции, основаны на процессе, который он называет *habitus* и определяет как "подгонку диспозиций к позиции, ожиданий к шансам, необходимость, ставшую добродетелью" [19, с. 23], иными словами, как спонтанную оценку возможностей, предоставляемых объективной ситуацией, и определение стратегии, соответствующей этой оценке. Отторжение западной модели и противопоставление ей модели национально-традиционной, наблюдаемые в России 1990-х годов, - в сущности, новая актуализация архетипического отторжения западного опыта, что, как известно, характерно для отечественного общественного сознания. Ее породили трудности переориентации России на путь, ведущий к цивилизованному рынку, правовому государству и демократии, с новой силой проявившиеся в этот период.

Отличительной особенностью "традиционалистского" выбора является, по справедливому замечанию Гудкова, "пустота и бессодержательность определяющих его признаков" [18. с. 30, 31]. Действительно, сторонники этого выбора могут определить его содержание, лишь обращаясь к эталонам образа жизни, скорее воображаемым, чем реальным, отдаленным во времени ("все старое") или в пространстве. В ходе опроса они локализовали "наиболее полное выражение русского характера" или в "наших предках" (39% опрошенных), или "в глубинке, в старинных русских городах, за Уралом, в Сибири" (36%) [8, с. 31]. Понятно, что столь неопределенные представления могут мотивировать лишь "стратегию" бездействия, пассивности, терпения. В сущности, традиционалистская альтернатива не содержит какой-либо позитивной программы, сводится к пассивному сопротивлению модернизации.

В то же время идеологема "собственного пути" выражает - часто в довольно явном виде - традиционный комплекс неполноценности. Так, во время проведенных нами интервью с жителями крупных российских городов даже антизападнически настроенные респонденты говорили, что западный путь для России невозможен, поскольку она не сможет достичь западного уровня цивилизованности.

Традиционалистская альтернатива теоретически может означать также следование традиционной для российского общества великодержавной, имперской, в сущности милитаристской ориентации. Здесь мы подходим к проблеме, представляющей перво-степенный интерес для нашей темы. Это проблема соотношения между двумя модулями образа Запада и отношения к нему в российском обществе: восприятия его, с одной стороны, как "модели", пригодной или непригодной для использования в российских условиях, с другой - как геополитической величины, как международной силы, образующей важнейшую часть той внешней, глобальной среды, в которой существует и развивается российское общество.

Запад - враг или партнер?

Взаимосвязь этих двух модусов очевидна. Известное охлаждение, а затем и явное ухудшение отношений между Россией и странами Запада, их эволюция от демонстрируемой дружбы и партнерства в начале последнего десятилетия XX века к достаточно серьезным конфликтам в его конце совпадает со снижением престижа западной модели и усилением националистических тенденций в российском обществе. В то же время эту взаимосвязь нельзя сводить к простой схеме: "чем хуже отношения между Россией и Западом (США, НАТО, ЕС), тем меньше склонно российское общество к модернизации по западному образцу". Многие данные показывают, что внешнеполитические представления и диспозиции россиян, их мнения об оптимальном пути для своей страны нередко имеют совершенно разные, даже противоположные векторы. Это расхождение можно объяснить различной психологической природой двух модусов. Принятие или отторжение западной модели, колебания между этими позициями основаны на рациональной - рефлексивной или спонтанно-подсознательной - операции сопоставления западной жизни со своей собственной и оценке возможностей достижения западных стандартов.

Отношение к Западу как к глобальной политической силе в гораздо большей мере имеет аффективную природу. Враждебные Западу эмоции внушались несколькими поколениями советских людей с помощью идеологических стереотипов "капиталистического окружения" в довоенные десятилетия и "борьбы двух систем" в послевоенный период. Ослабленные во время перестройки М. Горбачева, эти эмоции вспыхнули с новой силой после распада Советского Союза и социалистического лагеря (Варшавского пакта), утраты новой Россией статуса сверхдержавы, поражения страны в "холодной войне". Рациональное объяснение данных событий внутренними слабостями и кризисом советской державы было воспринято лишь наиболее интеллектуально развитым и либерально ориентированным меньшинством российского общества. Большинство же (абсолютное или относительное) под влиянием укоренившихся конфронтационных стереотипов увидело в них прежде всего результат давления внешних сил, стран Запада, которому то ли из слабости, то ли из-за предательства уступило российское руководство. "Логика" оскорбленного национального чувства, комплекса "обиженной нации" побуждала воспринимать снижение геополитического статуса России не столько как результат банкротства коммунистической системы, сколько как проявление внешней агрессии, поражение страны в борьбе с сильным и коварным противником.

Именно эти эмоциональные источники оценки новой геополитической ситуации придают ей явно выраженный мифологический характер. В 1994 году 42% опрошенных согласились и 38% не согласились с мнением, что "Россия всегда вызывала у других государств враждебные чувства. Нам и сейчас никто не желает добра" [8, с. 21]. В 1996 году 1/4 опрошенных полагали, что Россия живет плохо потому, что это "выгодно западным странам" [20, с. 7]. В 1997 году 51% считали, что противниками России являются ведущие страны Запада, "стремящиеся решать свои проблемы за ее счет и при удобном случае наносящие ущерб ее интересам"; 44% полагали, что НАТО "по-прежнему враждебно России" и лишь 25% высказали противоположную точку зрения: "прежнее противостояние сегодня утратило свой смысл"; 37% утверждали и 47% отрицали, что сегодня существует угроза военного нападения на Россию. В 1998 году 15% верили, 19% частично верили, частично нет, а 43,3% не верили в существование международного заговора против России [4, с. 21]. Соответственно этим взглядам довольно широкое осуждение вызывают прозападные тенденции во внешней российской политике. В 1994 году 46% опрошенных полагали, что "руководство страны продает национальные интересы России и русских" [21]. В начале 1999 года, по данным Фонда "Общественное мнение", 75% опрошенных согласились с утверждением, что Россия "в своих решениях и действиях слишком зависит от западных стран".

Подобные представления о целях западной политики и оценки политики российской чаще всего разделяют люди с низким уровнем образования, крестьяне, рабочие, пенсионеры, менее всего они характерны для молодежи. Однако и среди людей с высшим образованием доля "антизападников" не меньше, чем в населении в среднем, особенно много их среди руководителей, военных, работников правоохранительных органов. Так или иначе представления этого типа распространены далеко за пределами социальной среды, на которую непосредственное идеологическое влияние оказывают активно пропагандирующие их коммунисты и националисты.

Разумеется, представления о тотальной враждебности Запада и НАТО России, их стремлении ущемить ее интересы основаны не только на надуманных фобиях и мифах. Они питаются действиями и декларациями различных западных экономических и политических кругов, позициями многих западных масс-медиа, колебаниями и противоречиями политики стран НАТО в отношении России. Для российского общественного мнения, включая его наиболее интеллектуальные и политически информированные секторы, не ясны причины сохранения НАТО после окончания "холодной войны" и тем более его расширения на Восток. На общественное мнение, несомненно, оказала влияние наметившаяся с середины 90-х годов смена акцентов в официальной внешней политике России, ее известное дистанцирование от Запада.

Мифологический характер указанным представлениям придает не их антизападная тенденция сама по себе, но присущая им крайняя *примитивизация образа Запада*, сведение его к образу врага, ответственного за все беды, переживаемые Россией. Вся многообразная гамма западных позиций - от стремления содействовать демократизации России, ее политической стабильности до настороженно-выжидательной реакции на хаотичность и непредсказуемость российской действительности, от ограниченной экономической помощи русскому партнеру до экспансии политического и экономического влияния Запада в страны бывшего Советского Союза и откровенных планов изоляции и ослабления России - все это редуцируется к представлениям, соответствующим жестко антироссийским декларациям З. Бжезинского, Г. Киссинджера или фонда "Наследие".

Все приведенные выше данные относятся к периоду, предшествовавшему событиям 1999 года вокруг Югославии и второй чеченской войны. Югославская акция НАТО не просто резко усилила антизападные тенденции в российском общественном мнении: на какое-то время могло создаться впечатление, что речь идет о радикальном переломе в отношении россиян к западным странам, особенно к США. Доля опрошенных, хорошо относящихся к США, уменьшилась после начала бомбардировок Югославии с 57% до 14%, а относящихся плохо увеличилась с 28% до 72%. Усилились антизападные фобии: по сравнению с 1997 годом доля считающих, что у России есть внешние враги, способные развязать против нее войну, увеличилась с 44% до 73%, с трети до половины возросла доля считающих таким врагом США. В апреле 1999 года 70% опрошенных считали, что акция НАТО в Югославии является прямой угрозой для безопасности России [22].

На общественное мнение значительное влияние, несомненно, оказали просербские позиции российских правящих кругов и основной части масс-медиа. Ни те, ни другие вплоть до начала военных действий НАТО почти не уделяли внимания этническим чисткам в Косово, лишь немногие (причем далеко не самые популярные телеканалы и газеты) критиковали политику С. Милошевича. Лишь после резкого усиления потока беженцев из Косово в соседние страны информация о событиях стала более разносторонней и объективной. Тем не менее было бы неверно объяснять только информационным фактором реакцию российского общества на акцию НАТО.

В апреле 1999 года 45% опрошенных заявили, что им известны аргументы, которыми оправдывается эта акция, 13% возлагали вину за возникновение конфликта на обе участвовавшие в нем стороны, 6% - только на Югославию, почти 1/3 считали в начале мая 1999 года, что Югославия должна согласиться с размещением сил НАТО в Косово для прекращения бомбардировок. Таким образом, значительная часть россиян

более или менее представляла себе характер проблемы Косово и осуждала лишь примененные НАТО антигуманные методы ее решения ("нельзя ради обуздания Милошевича бомбить мирное население Югославии"). Подавляющее большинство, даже зная в той или иной мере аргументы НАТО, не верило в их искренность: лишь 3% опрошенных в апреле 1999 года думали, что НАТО бомбит Югославию во имя защиты прав косовских албанцев, остальные приписывали ей и особенно США такие мотивы, как демонстрация силы, навязывание своего диктата другим странам, подготовка к агрессии против России, утверждение гегемонии США в Европе, экономические интересы, антипатия к режиму Милошевича [22].

Убеждение в антироссийском характере политики западных держав еще более укрепилось в конце 1999 года под влиянием их реакции на события в Чечне. Подавляющее большинство российских политиков, журналистов и рядовых граждан убеждены, что Запад не может и не хочет объективно оценить причины вооруженных действий российских войск в Чечне. Это большинство полагает, что одностороннее и жесткое их осуждение при отсутствии какой-либо конструктивной альтернативы борьбы с чеченским терроризмом свидетельствует прежде всего об усилении антироссийской направленности западной политики. В этом российское общество более всего убеждает то, что оно считает "двойным стандартом" в поведении Запада: бомбардировки городов и территории Югославии там морально оправдываются, а сходные действия России в Чечне квалифицируются как недопустимые нарушения прав человека.

Резкое усиление антизападных настроений (аффективный модус отношения к Западу) весной и летом 1999 года оказало заметное негативное влияние на престиж западной модели (рациональный модус), привело к росту изоляционистских настроений. По данным опроса, проведенного в июне 1999 года, 69% респондентов согласились с формулировкой "у России должен быть свой, особый путь развития" и лишь 23% полагали, что она "должна ориентироваться на общемировые пути развития", 62% опрошенных оценили происходящие в последние десятилетия в России перемены как "утрату ее самобытности под натиском западных влияний" и лишь 21 % считают, что сегодня Россия "возвращается в мировое сообщество после долгой изоляции". Даже среди лиц моложе 30 лет, обычно наиболее расположенных к выбору западного пути, за развитие по общемировым стандартам высказались в это время только 30%, а изоляционистскую позицию поддержали 64%.

Ухудшение российско-западных отношений, рост взаимного отчуждения и подозрительности способны, таким образом, в значительной мере, хотя и не полностью, подавлять притягательную силу западного примера в массовых слоях российского общества. Идет ли в данном случае речь о некоем конъюнктурном феномене, очередном колебании маятника общественных настроений или о долговременной, возможно, необратимой тенденции?

Ответить на этот вопрос лучше всего помогают те довольно четкие социально-психологические границы, на которые как бы наталкивается "взрыв" массовых антизападных эмоций. Прежде всего они определяются стремлением любой ценой избежать крайних решений, чреватых риском военного конфликта. После начала натовских бомбардировок Югославии 86% опрошенных против 8% полагали, что России ни в коем случае нельзя дать втянуть себя в военный конфликт с НАТО, только 13% поддержали идею поставки вооружений Югославии, 4% - отправку добровольцев в эту страну. 3% - разрыв дипломатических отношений с ведущими странами НАТО [22]. По мере развития событий и повышения уровня информированности россиян о происходящем в Югославии увеличился удельный вес более взвешенных оценок. Так, с апреля по июль 1999 года с 63% до 49% уменьшилась доля тех, кто возлагал вину за конфликт главным образом на НАТО, с 70% до 64% - доля считавших, что действия НАТО угрожают безопасности России [23].

Более того, в разгар конфликта вокруг Югославии 59% опрошенных (в том числе половина прокоммунистически ориентированных избирателей) против 26% высказывались за укрепление отношений с США. По данным другого опроса, в июне 1999 года

23% респондентов считали, что Россия должна укреплять экономические и политические отношения в первую очередь со странами Западной Европы, 18% - с США; лишь 11% отдали приоритет странам Азии и Ближнего Востока [22, 24]. После окончания войны в Югославии 45% (в том числе 39% электората Г. Зюганова) против 32% считали, что России следует укреплять свое сотрудничество со странами НАТО; 44% против 30% полагали, что отношения России с этими странами постепенно наладятся. При этом каждый третий сторонник сотрудничества считает, что Россия должна в то же время предпринимать оборонительные меры против военной угрозы со стороны НАТО: 19% выступают за наращивание военной мощи России, а 14% поддерживают идею о создании коалиции государств, направленной против НАТО [24].

Итак, для значительной части, фактически для относительного большинства россиян Запад (США и Западная Европа) и его военно-политическое воплощение - НАТО являются противником и источником угрозы. Но это такой противник, с которым хотелось бы и вполне реально "подружиться", во всяком случае наладить лояльные партнерские отношения, хотя и быть готовым к борьбе с ним. В данной позиции идеологические антизападнические стереотипы и иррациональные фобии смешаны с приоритетной для россиян потребностью в стабильном международном мире, изоляционистским отторжением "чужого", разрушающего привычные устои жизни, со стремлением "жить как все", с уязвленным национальным самолюбием, с надеждой войти в современный развитый мир. Нетрудно заметить, что нынешняя внешнеполитическая идеология российского руководства - сочетание защиты национальных интересов и собственных позиций на международной арене с поддержанием партнерских связей с западным сообществом - более или менее адекватна описанному состоянию общественного мнения.

Отношение российского общества к Западу, к западному опыту и ценностям в целом сегодня более позитивно, чем во времена "холодной войны". В стране сложилась массовая "западническая" ориентация, представленная прежде всего младшим поколением населения, группами, связанными с частным сектором экономики, частью интеллигенции. Но данная ориентация проявляется и в сознании других, еще более широких слоев российского общества. В этом сказываются последствия расширения информационного поля российских граждан и идеологического плюрализма, сближения с Западом в течение истекшего десятилетия. Труднее ответить на вопрос об уровне необратимости этой тенденции. Во всех своих аспектах, в том числе и в своем отношении к Западу, российское сознание остается неустойчивым и амбивалентным.

Один из наиболее глубоких источников этой амбивалентности - постоянно воспроизводящийся конфликт между культурно-психологической традиционалистской инерцией, воплощающими ее идеологическими стереотипами и мифами, с одной стороны, и прагматическими потребностями и мотивами, питающими модернизаторскую тенденцию, - с другой. Та или иная из этих тенденций преобладает в ментальности различных социальных и демографических групп, в рамках различных субкультур, но очень часто они сосуществуют в сознании одних и тех же социальных и индивидуальных субъектов.

В качестве весьма характерного примера можно привести отношение россиян к ввозу западного капитала. Чаще всего к этому относятся крайне негативно. "Засилье иностранного капитала", угрожающее независимости России, ведущее к "разграблению ее богатств" - одна из наиболее популярных фобий массового сознания, обычно разделяемая большинством опрошиваемых. Но у многих суждения существенно меняются, если речь идет не об общей идеологической позиции, а о делах, ближе связанных с их конкретными прагматическими интересами. Так, в июле 1999 года 54% опрошенных высказались против и 25% за усиление притока иностранного капитала в Россию. Но на вопрос о желательности иностранных инвестиций в экономику регио-

на, где проживает респондент, как положительно, так и отрицательно ответили по 42%. Месяцем раньше 38% опрошенных высказались за американские инвестиции в развитие той местности, где они живут [25].

Решающий фактор дальнейшей эволюции отношения к Западу - несомненно, социально-экономическое, политическое и культурное развитие самого российского общества. Однако вместе с тем на эту эволюцию оказывает и будет оказывать влияние политика Запада по отношению к России. В данной связи большое значение имеют не столько практические действия (например, те или иные формы помощи российским реформам), сколько общий "стиль" этой политики. Российское общество в силу рассмотренных особенностей своего психологического состояния в высшей степени чувствительно (можно даже оказать, ранимо) в отношении всех "сигналов", посылаемых ему с Запада. Любой признак враждебности, отчужденности, пренебрежительного отношения к российским проблемам и интересам, тем более явное стремление ущемить их способны вызвать очередной негативный перелом в восприятии Запада и снизить влияние его примера, повысить престиж консервативных и националистических политических сил. И напротив, признаки доброжелательности, сочувствия, уважения, понимания по отношению к России могут усилить прозападные тенденции, повысить престиж западных ценностей, экономических и политических институтов в российском обществе.

В условиях современной глобализации дальнейший ход событий в России будет оказывать значительное влияние на облик всего мира в предстоящие десятилетия. Россия, изолированная от западного мира, не способная преодолеть свою технико-экономическую отсталость, теряющая импульсы к модернизации под натиском националистических страстей, стала бы одним из наиболее острых источников глобальной нестабильности, международной напряженности и конфликтов с непредсказуемыми последствиями. В то же время Россия модернизирующаяся, преодолевающая социально-экономический кризис, укрепляющая и развивающая свои партнерские отношения с западным миром, могла бы внести весомый вклад в более гармоничное, сбалансированное развитие глобализационных процессов. Представляется, что правительства стран Запада и западное общественное мнение должны иметь в виду эти два альтернативных сценария, определяя линию своего поведения в отношении России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Левада Ю.* Советский человек и западное общество: проблема альтернативы // *Левада Ю.* Статьи по социологии. М., 1993.
2. *Холодковский К.* О корнях идейно-политической дифференциации российского общества // *Человек в переходном обществе.* М., 1998.
3. *Клямкин И., Лапкин В.* Русский вопрос в России // *Полис.* 1995. № 5
4. *Современное российское общество: переходный период.* М., 1998.
5. *Сообщения Фонда "Общественное мнение".* 1999. № 49.
6. *Дилигенский Г.Г.* Дифференциация или фрагментация? (О политическом сознании в России) // *Мировая экономика и международные отношения.* 1999. № 10.
7. *Лапкин В., Пантин В.* Ценности постсоветского человека // *Человек в переходном обществе.* М., 1998.
8. *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения.* 1997. № 2.
9. *Зубов А.* Границы разломов и уровни единства в сегодняшней России: уроки социологического исследования // *Политика.* 1998. № 2.
10. *ФОМ-ИНФО.* 1998. №26.
11. *Федотов Г.* Россия и свобода // *Русские философы. Антология.* М., 1996.
12. *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения.* 1995. № 2.
13. *Дилигенский Г.Г.* Российский гражданин конца девяностых: генезис постсоветского сознания. М., 1998.
14. *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения.* 1993. № 1

15. *Лапкин В., Пантин В.* Русский порядок // Полис. 1997. № 3.
16. *Хенкин С.* Российский электорат: факторы дифференциации и типологические группы // Вестник Фонда "Российский общественно-политический центр". 1996. Май.
17. *Левада Ю.* Новый русский национализм: амбиции, фобии, комплексы // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1994. № 1.
18. *Гудков Л.* Русский неотрадиционализм // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. № 2.
19. *Бурдые П.* Начала. М., 1994.
20. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. № 1.
21. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. № 4.
22. Сообщения Фонда "Общественное мнение". 1999. № 12, 42, 44, 48.
23. Сообщения Фонда "Общественное мнение". 1999. № 52.
24. Сообщения Фонда "Общественное мнение". 1999. № 53, 57.
25. Сообщения Фонда "Общественное мнение". 1999. № 54, 60.

© Г. Дилигенский, 2000